

*Из архивов Филантропического Общества
Стрегейских Кротовоев*

Перед нами история окровавленного мальчика.

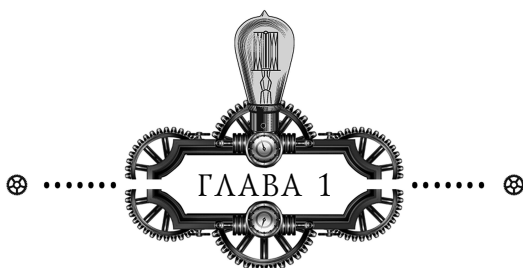
Вот он, стоит, качаясь, точно молодое деревце на ветру. Он весь, весь покрыт чем-то красным. Ах, если бы то была краска! Вокруг его ступней натекло по красной луже; неизвестно, какого цвета была его одежда раньше: сейчас ее покрывает быстросохнущая алая корка; волосы тоже все в запекшейся крови & торчат.

Выделяются лишь глаза. Белки горят на багровом лице, как две лампочки. Страстный взор устремлен в никуда.

Однако все не так ужасно, как кажется. Мальчик не одинок; со всех сторон его окружают такие же красные, мокрые насквозь люди. & все весело поют.

Мальчик растерян. Ничего не решилось. Хотя он ждал. Надеялся, что этот миг принесет ему ясность. Однако в голове у него по-прежнему пустота, точнее, всякая всячина.

Но мы оказались здесь слишком рано. Конечно, начать можно с любого места: в этом заключена красота пути, в этом его суть. Однако от выбора исходной точки зависят дальнейшие повороты, а предстоящее нам отвлечение не самое лучшее. Итак, возвращаемся: машина, полный назад. Назад туда, где мальчик еще не был окровавлен; там мы сделаем небольшую паузу & снова двинемся вперед, туда, где он стоит сейчас, среди крови, песен, хаоса, с большим знаком вопроса в голове.

Остров мяса!

Нет. Еще назад.

Огромный труп, застилающий горизонт?

Еще дальше.

Вот. Мы отмотали несколько недель, туда, где было холоднее. Дни проходили в бесплодных скитаниях по горным ущельям, в синей тени нависших ледяных утесов, откуда они лишь недавно выбрались под серое, как кремень, небо. Мальчик, тогда еще не окровавленный, наблюдал за пингвинами. Его взгляд перебегал с одного каменистого островка на другой; скалы щетинились птицами, которые, оправляя свои маслянистые перья, стояли, сбившись в кучу для безопасности & тепла. Он наблюдал их уже не один час. Когда у него над головой вдруг ожил громкоговоритель, мальчик вздрогнул. Это была тревога, та самая, которой ждал он, ждали все на «Мидасе». Сначала раздался громкий треск. Потом из него вынырнул голос:

— Вон он!

& тут же началась суета. Швабры были брошены, гачные ключи отложены, недописанные письма & недорезанные деревянные фигурки рассованы по карманам, невзирая на невысохшие чернила & стружку. Скорее к окнам, к перилам! Все высунулись навстречу хлещущему в лицо ледяному ветру.

..... БОЛЬШОЙ ЮЖНЫЙ КРОТУРОД .....

Взгляды всей команды были устремлены мимо больших клыков сланца — туда, откуда дул ветер. Головы качались в такт движению «Мидаса». Птицы с надеждой кружили над ним, но никто им ничего не бросал.

Впереди, там, где старые рельсы как будто сливались воедино, бурлила почва. Толкались камни. Что-то рвалось наружу из-под земли. Из глубин неслись приглушенный вой.

Среди непривычного пейзажа с торчащими повсюду обломками античного пластика внезапно вырос конус черной земли. Первыми из него появились когти. Они принадлежали огромному черному зверю.

Он сам взмыл над своей норой, выбросив вверх облако почвы, словно дым из кратера. Настоящий монстр. Воспарив, он заревел. Целое невероятное мгновение он висел в воздухе. Словно изучал приближающийся поезд. Хвостал своими размерами. Наконец он рухнул, пробил поверхность земли & снова ушел на глубину.

Кротурод прорвался.

Из всех зевак на «Мидасе» самым усердным был Шэм. Шэмус Йес ап Суурап. Крупный коренастый молодой человек. Крепко сбитый, не всегда неуклюжий, с коротко стриженными — от греха подальше — темно-русыми волосами. Вот он, высунулся из кабины, крепко держится за края иллюминатора и, забыв про пингвинов, тянет вперед шею с усердием изголодавшегося подсолнуха, поворачивающего свою золотую голову за солнцем. Крот впереди них мчится на небольшой глубине, около ярда. Шэм смотрит, как вспучивается тундра, & его сердце стучит часто, как колеса поезда.

Нет, это не первый большой крот, которого он видел. В Стреггейской бухте постоянно резвились целые стаи лаборов, как их называли местные жители, — крупных, с собаку, кротов. Земля в гавани между рельсами

& шпалами была изрыта их норами. Еще он встречал детенышей других, более крупных животных: охотники привозили их на остров в канун Дня Каменноликих & пускали в огромные емкости с землей, где те копошились, большие, жалкие & неуклюжие: крошки бутылко-головые кротуроды & новорожденные кроты-пантеры, совсем юные детгелапые кроты. Но огромных, по настоящему огромных кротуродов, самых крупных живых тварей на Земле, Шэму ап Суурапу доводилось видеть лишь на картинках в период обучения охоте.

Тогда ему приходилось заучивать наизусть, как стихи, целые списки других названий уродов: подкопщики, тальпа, мультдиварпы, просто кроты. Видел он размытые флатографии & гравюры с изображениями крупнейших представителей этого вида. Обычно рядом с гигантским звездоносом хищником, чья туша напоминала поросшую лесом гору, рисовали человека, одними палочками, просто чтобы был понятен масштаб. А на одной, особенно захватанной картинке, которая, к тому же, складывалась гармошкой, подчеркивая гигантский размер подземного левиафана, человек был нарисован так, что рук & ног разобрать было нельзя. Большой южный кротурод, *Talpa ferox rex*. Именно он бороздил сейчас землю перед ними. Шэма охватила дрожь.

Земля & рельсы на ней были серыми, как небо. У горизонта из-под земли выскочил нос величиной больше Шэма. Земляной кратер вырос рядом с чем-то вроде мертвого дерева; приглядевшись, Шэм понял, что это кусок металла: покореженный, покрытый лохмотьями ржавчины обломок прошлого торчал из почвы, как нога мертвого бога-жука. Даже здесь, в холодных пустошах, был утиль.

..... БОЛЬШОЙ ЮЖНЫЙ КРОТУРОД .....

Команда «Мидаса» облепила служебный вагон, люди стояли на сцѣпках & свешивались с обзорных платформ, над головой Шэма нетерпеливо плясали чьи-то ноги.

— Да, да, да, капитан... — баял по громкой связи голос Сандера Набби, впередсмотрящего. Наверное, услышав вопрос капитана по уоки-токи, Набби забыл переключиться на закрытую связь. Его ответ с густым акцентом острова Питтман & клацаньем зубов слышал весь поезд.

— Здоровенный кабан, капитан. Тонны мяса, жира, меха. Только поглядите, как он чешет...

Пути сделали поворот, «Мидас» накренился, порыв ветра скормил Шэму здоровую порцию дизельного выхлопа. Он смачно сплюнул на насыпь.

— А? Э-э... нет, капитан, он *черный*, — сказал Набби, отвечая на какой-то неслышимый вопрос. — Конечно. Густого черного цвета, как все нормальные кротуроды.

Пауза. Все в поезде как будто смутились. & снова:

— Точно. — Затем раздался новый голос. Это включилась капитан Абаката Напхи.

— Внимание. Кротурод. Вы его видели. Кондукторы, переводники — по местам. Гарпунисты — готовьсь. Тележки к спуску. Скорость увеличить.

«Мидас» стал набирать ход. Шэм стал слушать через ноги, как его учили. & решил, что произошел сдвиг от *шраш-ша-а* к *драгндрагун*. Он учился запоминать названия колесных ритмов.

— Как идет лечение?

Шэм обернулся. С порога кабины на него смотрел доктор Лиш Фремло. Худой, стареющий, энергичный, корявый, как выветренная скала, доктор смотрел на Шэма из-под копны волос цвета вороненой стали. «Да помогут мне Каменноликие, — подумал Шэм, — и давно ты, интересно, тут стоишь?» Фремло поглядел на кучу

тряпичных & деревянных внутренностей, вытащенных из брюшной полости манекена: Шэм уже давно должен был снабдить их ярлыками & сложить по порядку обратно, но они все еще устилали пол кабины.

— Я занимаюсь, доктор... — промямлил Шэм. — Просто тут... я немного... — & он стал засовывать куски в модель.

— О. — Фремло поморщился, увидев свежие порезы от перочинного ножа Шэма на коже манекена. — Что ты сотворил с ни в чем не повинной вещью, Шэм ап Суурап? Похоже, мне следует вмешаться. — Доктор погрозил ему пальцем. Но в его громком, звучном голосе совсем не было злобы. — Жизнь студиозуса — не тропы наслаждений, я знаю. Главное, научиться делать две вещи. Первая... — Фремло мягко повел рукой, — ...всегда сохранять спокойствие. & вторая — всегда точно знать, что тебе сойдет с рук, а что нет. Это первый большой крот в нынешнем рейсе, а значит, в твоей жизни. Поэтому никто во всем поезде, включая меня, не даст сейчас обезьяньей гонады за твои занятия.

Сердце Шэма забилося сильнее.

— Иди, — сказал доктор. — Только не лезь на рожон.

От холода Шэм чуть не задохнулся. Почти все члены команды были в шубах. Даже Рай Шоссандер, чей рассеянный взгляд скользнул сейчас по Шэму, был одет в сносный кроличий тулупчик. Рай был младше Шэма, к тому же, как проводник, занимал в иерархии «Мидаса» более низкое положение, зато он уже бывал в рейсе, а это давало ему преимущество в глазах голоштанной меритократии поезда-кротобая. Шэм в своей куртке из дешевого вомбата только поеживался.

..... БОЛЬШОЙ ЮЖНЫЙ КРОТУРОД .....

Команда рассыпалась по дорожкам & палубам на крышах вагонов, люди вставали к лебедкам, точили гарпуны, смазывали маслом колеса палубных тележек. Над ними кувыркалась, как поплавок, корзина с Набби под дозорным шаром.

Бойза Го Мбенда, первый помощник, стоял на обзорной площадке последнего вагона. Он был тощ, смугл & нервно-энергичен, его рыжие волосы облепили голову на ветру. Он следил за продвижением поезда по картам & бормотал что-то женщине рядом. Капитану Напхи.

Напхи следила за кротуродом в огромный телескоп. Труба телескопа — массивного тяжелого инструмента, — была плотно прижата к ее глазу, хотя капитан держала его лишь одной могучей правой рукой. Невысокого роста, она невольно приковывала внимание. Сейчас она упиралась ногами в палубу так, словно готовилась к бою. Длинные седые волосы реяли за ней на ветру. Полы выдавшей виды пятнистой шубы хлопали, но капитан стояла неколебимо. В композитной левой руке плясали отраженные огоньки. Ее металлические & костяные части подрагивали & пощелкивали.

«Мидас» грохотал по припорошенной снегом плоской равнине. *Драгндрагун* уже давно сменился иным ритмом. Так они неслись: мимо скал, провалов & небольших пропастей, мимо торчащего из земли таинственного утиля.

Шэма потряс свет. Он поднял голову & увидел над собой добрых две-три мили чистого воздуха, выше которых клубились обычные дурные облака, составлявшие верхнюю границу неба. Низкие колючие кусты, черные, как железо, & само железо, погребенное в земле с незапамятных времен & местами прорывающее земляной покров, проносились мимо. & во всю ширь долины,